

зеркала

1. Отраженное изображение — это знак?

Зеркала — это явление из области семиозиса?*

 Иначе говоря, являются ли изображения, отраженные поверхностью зеркал, знаками? Возможно, эти вопросы не имеют смысла, ведь здравый смысл, казалось бы, подталкивает к ответу, что зеркала — это зеркала. В любом случае вопрос этот отнюдь не праздный: возможно, в открытии, что зеркальные

/* В этой и в других статьях, вошедших в книгу, читатель встретится с противопоставлением между *семиозисом* и *семиотикой*. Семиозис — это типичное для человеческих существ (а также, по мнению некоторых, для ангелов и для животных) явление, основными элементами которого, как утверждает Чарлз Сандерс Пирс, являются знак, его объект (или содержание) и его истолкование. Семиотика же — это теоретическое толкование того, что такое семиозис. Поэтому семиолог — это человек, который не в состоянии сказать, что такое семиозис, но готов ругаться собственной жизнью, что он существует.

Далее примечания автора под знаком* расположены в конце издания на с. 271.

изображения тоже являются знаками, не много смысла, но столь же возможно, что его больше в открытии, что они ими не являются, и в понимании, почему это так. Даже признавая, что нам уже все известно о зеркалах, исключение их из перечня знаков могло бы помочь нам лучше определить знак (по крайней мере исходя из того, чем он не является).

Разумеется, прежде стоило бы установить, что мы понимаем как под словом «знак», так и под словом «зеркало». Однако тут же встает вопрос, нет ли между двумя определениями какого-либо рода связи, причем связи закольцованной — такой, что мы не знали бы, начинать ли с зеркал, чтобы дать определение знакам, или же со знаков, чтобы дать определение зеркалам. Как нам быть уверенными, что, начиная с определения знака, мы не придем к тому, что сама по себе конструкция этого определения уже будет исключать зеркала? Кажется, гораздо проще начинать с зеркал (о которых, полагаем, оптика уже рассказывает объективно неоспоримым образом), — однако выработка определения, отвечающего на вопрос о том, что такое зеркало, исключая то, что таковым не является, также может зависеть от некоторых предварительных — пусть и невысказанных — допущений о природе семиозисных явлений, отличных от явлений зеркальных.

Не существует убедительных филогенетических аргументов, которые позволили бы установить первенство того или иного явления. Кажется общепризнанным, что человек — животное, живущее в пространстве семиозиса, однако, говоря это, мы не можем исключить, что он является таковым существом именно в силу зеркального опыта собственных прародителей. Конечно, миф о Нарциссе вроде бы выводит на сцену уже говорящее животное, но насколько мы можем довериться мифам? С точки зрения филогенетики, данный вопрос сродни проблеме яйца и курицы или проблеме происхождения речи. В отсутствие

достоверных свидетельств о «заре происхождения» нашего вида стоит хранить молчание. Да и с онтогенетической точки зрения гарантии слабые. С одной стороны, мы точно не знаем, семиозис порождает восприятие или восприятие порождает семиозис (а значит, семиозис порождает мышление или наоборот). Но размышления Лакана о стадиях зеркала подсказывают нам, что восприятие (или, по крайней мере, восприятие собственного тела как нефрагментированной единицы) и зеркальный опыт идут рука об руку. И тогда восприятие, мышление, осознание собственной субъективности, зеркальный опыт, семиозис кажутся элементами изрядно запутанного узла, точками окружности, в которой нелегко установить исходную точку.

2. Воображаемое и символическое

Кажется, что страницы, которые Лакан посвятил стадиям зеркала, решают нашу проблему еще на начальном этапе. Зеркало — это пороговое явление, которое отмечает границы между воображаемым и символическим. В возрасте от шести до восьми месяцев ребенок вступает во взаимодействие с собственным изображением, отраженным в зеркале. На первом этапе он путает изображение с реальностью, на втором — отдает себе отчет, что перед ним изображение, на третьем — понимает, что это его изображение. В этом «ликующем принятии» изображения ребенок восстанавливает еще не объединенные в одно целое фрагменты своего тела, но при этом тело восстанавливается как нечто внешнее и — как утверждается — в порядке обратной симметрии (к этому понятию нам еще придется вернуться).

Опыт взаимодействия с зеркалом выявляет элементы воображаемого, как выявляет их и опыт с букетом цветов, иллюзорное изображение которого создает сферическое зеркало, описанное Лаканом в «Топике воображаемого»*.

Воображаемое владение собственным телом, которое становится возможным благодаря опыту взаимодействия с зеркалом, опережает реальное владение им: «развитие происходит лишь постольку, поскольку субъект включен в символическую систему, проявляется в ней, утверждается в результате осуществления подлинной речи». Напомним попутно, что «символическое» у Лакана — это семиозисное, хоть и идентифицированное с устной речью. В столь оптимистичном принятии зеркального изображения проявляется символическая матрица, в которой «я» устремляется в свою первоначальную форму, а речь — та форма, которая должна вернуть присущую ему функцию субъекта *в универсальном**.

Как мы увидим, это возвращение «в универсальном» должно быть свойственно любому семиозисному процессу, даже если таковой не носит устной формы. Зеркало — это точка, в которой вырисовывается «вираж» зеркального «я» в социальное «я», это «структурный перекресток» или, как мы уже говорили, пороговое явление.

3. Зайти через зеркало

Тем не менее, даже если эти заключения верны, они показывают нам, что такое (или, лучше сказать, для чего нужно) зеркало в определенный, уникальный и неповторимый момент онтогенеза личности. Одним словом, размышления о зеркальной стадии не исключают того, что на следующих стадиях развития символической жизни зеркало может использоваться как семиозисное явление. Вот почему в этой точке нам стоит наметить другой путь и сосредоточить наше внимание не на зародышевом или первоначальном моменте (неважно, фило- или онтогенеза), а на том, как зеркала используют взрослые люди — взрослые люди, которые уже производят знаки и воспринимают себя как субъект, а главное — уже знакомы с зеркальными изображениями.

Поставив проблему на этой стадии, мы сможем вооружиться нашим собственным повседневным опытом, применив феноменологическую редукцию, и нам не потребуется обращаться к неverifiedируемому опыту наших предков или к предположительно определенному на основе внешних данных опыту наших маленьких детей. Вот только проблема по-прежнему в том, какой опыт взять за точку отсчета — опыт зеркала или опыт знака. Впрочем, раз уж речь о круге, не так важно, в какой точке войти в него. Мы решаем войти через зеркало (как вы убедитесь, не оставаясь внутри него), поскольку оптика, как представляется, знает о зеркалах многое, а то, насколько семиотика знакома со знаками, подлежит сомнению.

4. Феноменология зеркала: зеркала не инвертируют

Определим поначалу как зеркало любую непрерывную поверхность, способную отражать падающее на нее световое излучение (таким образом, из рассмотрения исключаются «зеркала» для других видов волн, например, радиорелейные линии). Таковые поверхности либо ровные, либо изогнутые. Под ровным зеркалом мы понимаем поверхность, которая создает виртуальные, прямые, перевернутые (или симметричные), зеркальные (равновеликие отраженному объекту) изображения, лишенные так называемых хроматических aberrаций. Под выпуклым зеркалом мы понимаем поверхность, которая создает виртуальные, прямые, перевернутые и уменьшенные изображения. Под вогнутым зеркалом мы понимаем поверхность, которая: а) создает виртуальные, прямые, перевернутые и увеличенные изображения, если объект находится между фокусом и зрителем; б) создает реальные, перевернутые, увеличенные или уменьшенные в зависимости от конкретного случая изображения в различных точках пространства, которые могут быть видны

невооруженным глазом или отображены на экране, если объект меняет свое положение. Мы пренебрегаем параболическими, эллипсоидными, сферическими или цилиндрическими зеркалами, поскольку они редко используются в нашем повседневном опыте, а их результаты будут рассмотрены в общих разделах, посвященных деформирующим зеркалам и катоптрическим театрам.

Эти определения уже дают нам повод задаться вопросом о значении таких понятий, как «виртуальный» и «реальный». С точки зрения здравого смысла реальное изображение вогнутых стекол не является реальным, и называется оно так не только потому, что воспринимающий его субъект может спутать такое изображение с объектом, обладающим физической плотностью, но и потому, что его можно поймать и отобразить на экране (с виртуальными изображениями этого сделать нельзя). Виртуальное же изображение называется так, потому что зритель воспринимает его так, будто оно находится внутри зеркала, в то время как у зеркала, разумеется, нет никакого «нутра». Куда любопытнее термин «перевернутое», которым мы характеризуем зеркальное изображение, желая сказать, что оно симметричное или, как принято говорить, обратно симметричное. Это мнение (что зеркало ставит правое на место левого и наоборот) настолько укоренилось, что некоторые даже утверждали, будто бы зеркала обладают этим забавным свойством — менять местами правое и левое, оставляя на месте верх и низ. Разумеется, катоптрика не одобрила бы такое умозаключение: если бы вместо вертикальных зеркал в наш обиход вошли горизонтальные, размещенные на потолке, как это было принято у либертинов¹, мы убедились бы, что верх и низ зеркал тоже меняют местами, показывая нам мир, перевернутый вверх ногами.

¹ *Либертины* — в XVII–XVIII вв. сторонники философии, отрицающей принятые в обществе нормы морали. — *Примеч. ред.*

Все дело, однако, в том, что и вертикальные зеркала не переворачивают и не инвертируют изображение. Зеркало отражает то, что расположено справа от нас, в точности справа от нас, а то, что слева, — слева. Все дело в наблюдателе: это он поддается инстинкту отождествления со свойственной человеку простосердечностью, перед которой бессилён ученый-физик, и представляет себе, что человек в зеркале и есть он сам. А затем оглядывает себя и замечает, что у него, допустим, часы на правой руке. На самом же деле это было бы верно лишь в том случае, если бы он, наблюдатель, был тем человеком, который находится внутри зеркала («Я есть некто другой!»). Тот же, кто не станет вести себя подобно Алисе и проникать во внутреннее пространство зеркала, не страдает от этой иллюзии. Ведь все мы прекрасно справляемся с зеркалом по утрам в ванной, и в наших движениях нет никакой болезненной судорожности. Судорожности, которая, напротив, возникает, когда мы, пытаясь подравнять себе бакенбарды, смотримся в противоположные боковые зеркала и видим перед собой изображения, которые являются отражениями отражений и в которых как правая, так и левая сторона находятся ровно там, где мы их ощущаем. Это означает, что наш мозг привык использовать зеркала в соответствии с их свойством давать нам точное отражение того, что находится перед ними, как привык он и переворачивать изображение на сетчатке — а оно-то, как мы знаем, действительно перевернутое. Вот только на усвоение этой последней операции у него были миллионы лет (включая многие миллионы лет, которые прошли до появления *homo sapiens*), и овладел он ею настолько безукоризненно, что на протяжении тысячелетий критическое мышление ничего не подозревало об этом явлении; на то же, чтобы привыкнуть к зеркальному изображению, у него было лишь несколько тысяч лет. Вот почему на уровне восприятия или движений он трактует это изображение корректно, а вот на уровне

концептуального осмысления все еще не в силах полностью отделить физическое явление от иллюзий, которые оно порождает. Возникает своего рода разрыв между восприятием и суждением. Так что мы правильно пользуемся зеркальным изображением, но все еще неправильно говорим о нем, словно оно само делает то, что вынуждаем его проделывать мы: переворачивать картинку.

Если свести формирование зеркального изображения к чисто абстрактной схеме, мы заметим, что оно не предполагает феноменов, подобных тем, которые имеют место при использовании камеры-обскуры (рис. 1), поскольку ни один из лучей света, участвующих в этом процессе, не пересекается с другим (рис. 2). Однако если мы представим, что место реального предмета на схеме занимает человек, этот предмет приобретает осознание того, что есть право и лево, сопоставляет их с тем предметом, который отражается на поверхности зеркала, и с виртуальным предметом, который появляется по ту сторону этой поверхности, — но при этом постоянно исходит из иллюзорного представления о правой и левой стороне, которое основано на том, что предмет не отраженный, а реальный.

Рис. 1

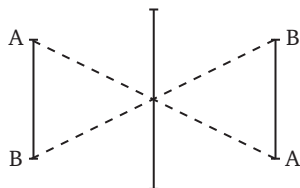

Рис. 2

